

УДК 81.161.1

СЕМАНТИКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ЛЕКСЕМАХ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

© 2017 г.

Д.В. Соловьёва

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

solovyova_dariya@mail.ru

Поступила в редакцию 01.03.2017

Анализируются способы и средства выражения оценки на базе семантики противостояния в современных медиатекстах оппозиционных СМИ: использование пейоративной, инвективной, просторечной, жаргонной лексики, словообразовательных неологизмов. Показано, что языковая специфика медиатекстов тесно связана с коммуникативной политикой периодического издания.

Ключевые слова: семантика противостояния, оценочность, коммуникативная политика, оппозиционные издания, медиатекст.

Сегодня исследование языка СМИ представляет особенный интерес для лингвистов. Современные средства массовой информации оказывают направленное воздействие на массовое сознание. Они не только формируют общественное мнение, но и способствуют возникновению в сознании адресата определенных иллюзий и ассоциаций, намеренно вводят его в заблуждение, провоцируют на запрограммированные адресантом действия. Язык является эффективным средством манипуляции, а также средством выражения эмоционального и интеллектуального отношения говорящего к предмету высказывания.

Отстаивая определенную систему взглядов, СМИ участвуют в формировании общественного сознания, создают особое коммуникативное пространство. «В это пространство попадает только то, что должно быть услышано или увидено массовым адресатом» [1, с. 187]. В современном медиапространстве повышается уровень намеренного манипулирования массовым сознанием: «СМИ являются основным орудием политической и экономической борьбы, и силен в ней не тот, кто порядочнее, а тот, кто может эффективно ввести в заблуждение своего оппонента. Именно поэтому приемы блефа и манипуляции, как нигде, сосредоточены в СМИ. Более того, именно здесь они оказывают наибольшее влияние на общество» [2, с. 27]. Исследователи все чаще ведут разговор о языковом манипулировании: «Это манипулирование, осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка» [3, с. 99].

Одну из определяющих ролей в данном воздействии играет «**политическая ориентация медийного текста** – передача информации с

запрограммированной установкой на её социальную оценку в заданном направлении» [4, с. 127]. Другими словами, выбор направления общения с аудиторией связан со спецификой коммуникативной (по другим источникам – информационной) политики СМИ.

Коммуникативная политика СМИ – идейно-творческая концепция проблемно-тематических линий, характер которых определяется социальной позицией данного СМИ и воплощается в совокупности принятых форм реализации программы, направления [5, с. 117]. Коммуникативные намерения журналистов ярче всего проявляются в текстах политической, экономической или социальной тематики.

Выбранный изданием курс оказывает непосредственное влияние на языковую специфику медиатекстов. «Язык не только передает информацию, но и воздействует на личность, формирует ее, изменяя в лучшую сторону. Язык не только, как зеркало, пассивно отражает окружающую жизнь, но и вмешивается в нашу картину мира, в формирование языковой личности, соответственно меняет личность, а следовательно, опосредованно и общественную жизнь. Таким образом, язык из категории чисто лингвистической превращается в реальную общественно-политическую силу, становится экономической категорией» [6, с. 620].

Современная практика СМИ демонстрирует множество случаев, когда об одном и том же событии, теме или проблеме рассказывают публикации, содержащие абсолютно противоположные оценки. К конфликтным темам чаще всего относится противостояние стран, сообществ, отдельных личностей, военные конфликты, экономические перипетии, разногласия государств по тем или иным вопросам и пр.

Все отмеченное выше можно проиллюстрировать публикациями в двух современных российских изданиях, несомненно, оппозиционных друг другу, – газетах «Завтра» и «Новая газета». Одна из определяющих задач коммуникативной политики этих изданий – это критика современного общественно-политического и экономического развития страны. Однако следует отметить фундаментальное различие между системами ценностей, пропагандируемыми данными изданиями.

Газета «Завтра» все больше приобретает черты проправительственного издания. Объектом журналистских нападок становятся отдельные события, чаще международного масштаба, или же конкретные личности, так называемые враги государства. Политические блоки, сообщества, отдельные персоны, выступающие против государственной политики современной России, неминуемо попадают под беспощадный огонь едкой критики газеты. Главным же врагом государства традиционно остается Запад – апологет зла, рабства, греха, которому Россия бросает вызов.

«Новая газета» – так называемая контролируемая оппозиция. Журналисты осуждают выбранный государством политический курс, любые решения и инициативы правящей элиты. Система современного российского общества для авторов издания все больше приобретает черты советского тоталитаризма. Журналисты «Новой газеты» убеждены, что противостояние России с западными странами ведет её не только к политическому, экономическому и духовному застою, но и, в конечном счете, к гибели. Страну можно спасти только встав на путь мирного сосуществования с развитыми западными державами.

Стоит отметить, что оппозиционность изданий – это особый стиль общения с аудиторией, который впоследствии и определяет выбор коммуникативных и языковых ресурсов. Рассмотрим, каким образом происходит «идеологическое противостояние», на конкретных примерах.

Показательным примером является отклик анализируемых изданий на убийство в феврале 2015 года политика Бориса Немцова.

Для выражения авторской интенции могут быть использованы разнообразные лексические единицы: «*Это убийство исходило из недр либеральной оппозиции — ненавидящей, инфернальной, идущей походом ненависти, которой она, оппозиция, начала в восьмидесятых годах со времён перестройки*» [Завтра. 2015. № 9]. Эмоционально окрашенная, негативно-оценочная лексика помогает сконструировать в сознании адресата образ врага. Экспрессивное

начало метафорических оборотов усиливается за счет инвектив: «*Победа "майдана" в нашей стране — это усиление "градуса накала" самых людоедских либеральных реформ*» [Завтра. 2015. № 9].

Развитию экспрессивных оттенков в семантике слова способствует его метафоризация. Стилистически нейтральные слова и выражения, употребленные в метафорических оборотах, приобретают мощную экспрессию: «*Власть продемонстрировала бы свою слабость, неуверенность, отступая перед мощной консолидированной колонной, которая — не пятая, не шестая, а колонна чудовищного храма ненависти и русофобии*» [Завтра. 2015. № 9].

В современном журналистском дискурсе превалирует инвективная лексика. **Инвективы** – слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске, оценочном компоненте содержания интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме. Вербальная агрессия используется, как правило, когда не хватает аргументов, в мнимом споре начинает преобладать эмоциональная составляющая, рациональность отходит на второй план или вовсе исчезает.

Прямое обращение к «лагерю либералов» в оскорбительной форме – характерная черта стиля журналистов газеты «Завтра»: «*Так и хочется сказать либеральной хевре, окопавшейся во власти и, прежде всего, в Москве и Питере: все эти национализмы, которые, словно грибы после дождя, начали расти в ходе горбачевской "перестройки", – ваших рук дело*» [Завтра. 2015. № 10]. При помощи жаргонизма из криминального лексикона – *хевра* (группа воров) выражается резко отрицательное отношение к российским либералам.

Иная, но не менее выразительная точка зрения на случившееся в материалах «Новой газеты»: «*Тот, кто заразил жизнь блатной мерзостью, тот, кто натравил одну часть народа на другую, тот, кто начал войну с братской Украиной, тот, кто в своих речах употреблял фашистские выражения о «национал-предателях», тот, кто устроил травлю и выпустил из грязных подполий сумасшедших и бандитов, чтобы они били антивоенные пикеты и нападали на мирные демонстрации, – тот и убил его*» [Новая газета. 2015. № 42]. Авторскую экспрессию усиливают инвективы, особенно те, которые изначально обозначают антиобщественную, осуждаемую гражданами деятельность – *блатная мерзость, бандиты, трав-*

ля. Агрессивная лексика направлена якобы на конкретные объекты (фигуры, группы лиц), однако они в данной коммуникативной ситуации не называются, а только подразумеваются. Именно на использовании инвективной лексики базируется прием *бездоказательного умаления авторитета*. Оценочный компонент инвективы настолько силен, что интенция автора легко определяется – это оскорбление, унижение, осуждение и пр.

Дихотомическое восприятие, то есть условное разделение мира на антагонистические понятия – *добро – зло, друг – враг, хороший – плохой, свой – чужой*, в целом свойственно человеческому сознанию. Внедрение в текст иллюзорного врага становится основой манипуляции. Прием контрастного представления о мире позволяет предельно упростить для читателя окружающую реальность. Мир поляризуется, воспринимается не в целостности, а в понятиях «*мы – они*». Оценки подменяют логическую аргументацию, приобретая характер «псевдоаргументов». Ведущими становятся стереотипы – некие стандартизированные представления. Одной группе приписываются только положительные качества, а другой – отрицательные.

В качестве иллюстрации к вышесказанному рассмотрим реакцию прессы на проведение в Санкт-Петербурге международного русского консервативного форума:

«*В самом деле, с кем еще нам теперь дружить? <...> Они расисты, ксенофобы и гомофобы, ну и мы немножко в этом направлении работаем*» [Новая газета. 2015. № 29]. Негативизация образа оппонента происходит методом наклеивания ярлыков: используются существительные, называющие лиц по определенным идеологическим и поведенческим признакам.

Ответ газеты «Завтра»: «*В прессе и блогах они устроили дичайшую истерику по этому поводу: валялись в пыли, рвали на себе седые кудри, стенили: «Неонацистское сборище», «отрыжка Третьего рейха», «тайная вечеря антисемитов», «отзовитесь, расисты!..»*» [Завтра. 2015. № 12]. Автор «нанизывает» предикаты с отрицательной семантикой – описывается неадекватное, психически неуравновешенное поведение человека. Предикаты с осуждающей, негативной семантикой часто можно встретить на страницах газеты «Завтра», например, зоосемантические предикаты, характеризующие в нелицеприятном свете сторонников либеральных взглядов: «...*бесперебойно твякающие на тему «Народ-ничтожество». Они спокойно квакают, лают и пачкают*» [Завтра. 2015. № 43]. Отметим, что проникновение в письменную речь инвективной лексики, элементов раз-

говорной речи, просторечных и жаргонных слов содействует раскрепощенному общению создателя текста и потенциальной аудитории издания.

Воздействующая направленность медийного дискурса объясняет и экспрессивно-оценочный характер словообразовательных неологизмов: «Источником мотивации для изобретения новообразований представителями СМИ являются ежедневные негативные события в стране и мире, природные катаклизмы, тяжелое положение во всех сферах социальной жизни, для обозначения которых часто не хватает существующих узуальных обозначений» [7, с. 764].

Новообразования наглядно демонстрируют, как деривационный механизм, словообразовательная система реагирует на актуальные социополитические процессы [8, с. 397]. В анализируемых изданиях встречается множество новообразований, в первую очередь, индивидуально-авторских, которые являются реакцией на ключевые события последнего времени. «Оценочность новообразования может быть связана с различными компонентами его словообразовательной структуры: с мотивирующей (производящей) базой и (или) словообразовательным средством» [9, с. 45].

Зачастую неологизм образован от стилистически нейтральной лексемы, а имплицитную оценочность ему придают экспрессивные префиксы или суффиксы.

Префиксы *псевдо-*, *лже-*, *квази-* используются для негативной характеристики денотата: «*Нетрудно, например, вспомнить псевдопарад в Донецке, когда через озлобленную толпу прогоняли военнопленных*» [Новая газета. 2014. № 111]; «*Накануне Вороненков выступил с политической декларацией, где утверждает: ситуация в России — как в нацистской Германии; целое государство сошло с ума в псевдопатриотическом угаре...*» [Завтра. 2017. № 10]; «*Это важнейшая политическая (но квазиправовая) жалованная грамота ментам всех мастей, силовикам, образующим, по Марксу, господствующий класс нынешней России*» [Новая газета. 2015. № 70]; «*Нечто похожее Россия уже проходила в 90-е годы. Хищнические и компрадорские замашки лжеэлиты привели к геноциду*» [Завтра. 2016. № 34]. Превалирование в текстах СМИ префиксов с семантикой неистинности, ложности, мнимости явлений характеризует не только конфронтационную позицию изданий по отношению друг к другу, но и состояние современного российского общества в целом. Смена ценностных ориентиров, отсутствие прочного идеологического фундамента, распространение фальшивых идей и чужих приоритетов влияет на наполнение медиатекстов.

Негативную оценку с оттенком иронии или сарказма выражает префикс *недо-*: «Во-первых, украинская **недореволуция**, даже в нынешнем своем виде, – национальная» [Новая газета. 2014. № 34]; «**НедоДавос**» [Завтра. 2016. № 4]. Автору важно указать на бесполезность, несостоятельность и даже никчемность происходящих событий.

Префиксоид *евро-* со значением «относящийся к Европе» используется журналистами и в номинативных целях («Все, от лидеров Европарламента до высших **еврочиновников** и глав стран ЕС, высказались...» [Новая газета. 2016. № 70]) и для выражения отношения к чему-либо: «Мне кажется, что российское руководство с момента победы "**евромайдана**" в Киеве находится в состоянии, которое в боксе называется "зресси", то есть – близком к нокауту» [Завтра. 2014. № 52].

Столкновение идеологических, общественно-политических взглядов проявляется в активизации префиксов *анти-*, *контр-* со значением отрицания: «Движение «**Антимандат**»: как ликвидируют последнюю возможность для уличных акций» [Новая газета. 2017. № 18]; «**Антимодернизационный консенсус**» [Новая газета. 2016. № 103]; «Сейчас сильные мира сего создают единую содомскую **антицерковь**» [Завтра. 2016. № 26]; «Именно показательная "баталія" на Темзе, по признанию многих тамошних "**антиевропейцев**", помогла им окончательно определиться с решением» [Завтра. 2016. № 26]; «Начиная с 2003 года (а может быть, и раньше) Россия двигалась по пути **контрреформ**, шаг за шагом ликвидируя завоевания горбачевско-ельцинской демократии» [Новая газета. 2016. № 103].

Отсубстантивные имена существительные с суффиксами *-изм*, *-(из)аци(я)* могут не просто называть негативные явления (с точки зрения редакции газеты) современной общественной жизни. Они также приобретают оценочность, которая у читательской аудитории вызывает негативный отклик: «Можно предположить, что в 2017 году **демонизация** Путина, а с ним и "86% его избирателей" достигнет на Западе такого накала, что в мозгах сотен миллионов его жителей Россия окончательно станет ассоциироваться со вселенским Злом, подобным какому-нибудь **гитлеризму**» [Завтра. 2017. № 1]; ср. также неузвальное: «Спорт – основа единства, цементирующий раствор нации. И началось это, кстати, задолго до **сочинизации** России» [Новая газета. 2016. № 81].

В политическом дискурсе СМИ нередко новообразования, обозначающие отрицательно оцениваемые социальные явления, мотивированы личными именами собственными, которые

называют известных лиц: «**Сечинизация** «Газпрома». Глава «Роснефти предложил лишить «национальное достояние» экспортной монополии» [Новая газета. 2014. № 61]; «Не случайно многие на Западе, в том числе председатель Европарламента Мартин Шульц, предостерегают от «**путинизации** Польши»» [Новая газета. 2016. № 49]; «Политический смысл «**кадыровщины**» и угроза распада РФ» [Новая газета. 2016. № 5]. «В 1993-м у Белого дома были те, кто недоволен ельцинским компрадорским капитализмом. Однако же их идеологией стала **прохановщина**, игра на имперском поле» [Новая газета. 2015. № 123];

«Вопросы были адресованы Фрадкову потому, что в **гайдаровщину** он был заместителем Министра внешнеэкономических связей Авена» [Завтра. 2015. № 23]; «Ельцин – это наше страшное вчера, мы от него еще не ушли, это не история, **ельцинизм** живет еще повсюду; всё, что он натворил, до сих пор существует» [Завтра. 2015. № 47].

Отметим, что подобные неологизмы в «Новой газете» передают отрицательное авторское отношение к современным политическим явлениям. А вот журналисты «Завтра» обращаются к недавнему историческому прошлому. В сознании адресата неизбежно возникают негативные ассоциации, связанные с лихими и бесправными девяностыми. Контраст позволяет положительно охарактеризовать современные политические фигуры, даже не называя их.

Для журналистов «Новой газеты» характерно использование новообразований с суффиксами *-ист-*, *-ец-*, обозначающих не явление, а лиц, сторонников общественных движений или последователей социально значимых фигур. Как правило, новое слово в контексте приобретает негативную коннотацию, связанную с личным отношением журналиста: «Сегодня рассказ об одной из самых громких реализаций «**сугробовцев**» – деле финансиста Магина» [Новая газета. 2016. № 127]; «И все же это – только часть правды. Не все избиратели Трампа – расисты. Уже потому, что многие из них голосовали за Обаму, многие – дважды. Не все **трамписты** – идиоты» [Новая газета. 2016. № 127].

В словотворчестве журналистов активно используются иноязычные суффиксы: «Поэтому скорый суд не ставит точку в расследовании. Оно будет продолжаться. Впрочем, его успех будет во многом зависеть от эффекта «**кадыринга**»» [Новая газета. 2016. № 10]; «То есть в переводе: некоторые из групп использовали полученные ими гранты на оплату протестов против Трампа. То есть часть этих беззаветных протестов были «**обаминги**». За бабло»

[Новая газета. 2017. № 25]. Английский суффикс с процессуальным значением *-инг* способствует появлению многочисленных каламбурных неологизмов.

Новые слова, служащие для обозначения актуальных социальных симпатий и антипатий, нередко образуются по следующей словообразовательной модели: имя собственное + компоненты *-мания*, *-фобия*: «Я осилила лишь фрагмент дня, посвященный феномену **путиномагии**» [Новая газета. 2015. № 65]; «Самого-то Путина нет, а обложки западных изданий при этом пестрят его портретами. Что это, как не **путинофобия**?» [Новая газета. 2016. № 37]; «Нынешняя массовая **"трампомания"** в российском политическом истеблишменте, особенно — в её державно-патриотическом крыле, и не менее массовая **"трампифобия"** со стороны отечественного "либерального сообщества"...» [Завтра. 2016. № 48]; «**Ельциномания**, или назад в девяностые» [Завтра. 2015. № 47]. В данных новообразованиях положительная или отрицательная оценка явления также тесно связана с авторским отношением к лицу, имя которого является мотивирующим словом.

Отдельного внимания заслуживает заимствованный суффиксоид *-гейт*, продуктивность которого возросла за последнее время. Неологизмы с финалью *-гейт* активно эксплуатируются в «Новой газете». Они употребляются для обозначения громкого политического скандала, запутанного дела, чаще всего связаны с именем главной персоны или с местом события: «**Алтайгейт**. Последняя глава» [Новая газета. 2017. № 17]. Материал об авиакатастрофе на Телецком озере. «**Мытищи-гейт**. 68 председателей избиркомов в одном только подмосковном городе переписали результаты выборов. Представляем доказательства» [Новая газета. 2016. № 136]; «**Офшоргейт**. Фигурантов «панамской» аферы ждут санкции американского казначейства» [Новая газета. 2016. № 37]. Такие новообразования используются преимущественно в заголовках, что мгновенно привлекает внимание аудитории, провоцирует бурный эмоциональный отклик.

Окказионализмы в медийных текстах нередко создаются путем междусловного наложения, при котором в сложном деривате совмещаются формально тождественные части схожих слов. Гибридизация позволяет получить сложное слово, которое включает в свое значение семантику обоих объединившихся слов. Сложные дериваты не только имеют яркий выразительный потенциал, но и являются способом интеллектуализации медийного текста посредством возникающей языковой игры:

«**Донбоссы**» [Новая газета. 2015. № 91]. Словосложение на основе созвучности — *Дон-*

басс + *боссы*. Аналитическая статья посвящена разделению сфер влияния в Донецкой Народной Республике, прошедшему с начала вооруженного конфликта.

«**Пент-агония**. Глава оборонного ведомства США Энтон Картер анонсировал появление оружия для сдерживания «российской агрессии» [Завтра. 2015. № 45]. **Пентагон** + *агония* — характеризуется состояние политических противников в связи с последними событиями на Украине. Автор говорит о противостоянии не только двух держав, но и их союзников, о глобальности противостояния.

«**Банкстеры**. Разорение банков поставлено на конвейер, а расплачивается за все государство — то есть налогоплательщики» [Новая газета. 2016. № 79] — *банк* + *гангстеры*. В заголовке материала, опубликованного в рубрике «Расследования», сразу чувствуется мощный авторский посыл. Создатель текста дает понять, что в публикации речь пойдет о громком, запутанном и общественно значимом процессе.

«**Россия — Хрисламское государство**» [Новая газета. 2017. № 16]. В материале автор обличает абсурдность действий современной политической элиты. Например, заявление Натальи Поклонской о том, что не только православных, но и «мусульман беспокоит честь православного святого Николая II».

«**Дымочадцы**. Ложь, полуправда и правда о сибирских пожарах и при чем тут Москва» [Новая газета. 2016. № 81] — *домочадцы* + *дым*. Неологизм «цепляет» читательское внимание, в заголовке материала автор указывает на двусмысленность и неоднозначность обсуждаемой темы.

В создании экспрессивной языковой игры участвуют и иноязычные слова:

«**Москаляку — на Игиляку?**» [Завтра. 2015. № 22]. Трансформация украинского русофобского лозунга «**Москаляку на гилляку**» (*в пер. — Москалей на ветку*) на основе паронимического сочетания. Журналист рассуждает о возможности открытия «второго фронта гражданской войны», так как присутствует явная угроза со стороны боевиков ИГИЛ («Исламское государство» — запрещенная в России террористическая организация) в Сирии.

«**Вы захотите иметь дело с такой... даже не знаю, как это назвать. Ведь "Киллари" начинала свою политическую карьеру с Уотергейта <...>**» [Завтра. 2016. № 28] — *Хиллари* + *киллер*. Образованный путем междусловного наложения неологизм имеет ярко выраженную отрицательную оценку конкретного лица. «**Хоть никто не видел в деле Трампа, все уже**

заходятся: майн **Трампф!**)» [Новая газета. 2016. № 127]. Яркий пример эффектной языковой игры – обыгрывается название книги А. Гитлера «Майн кампф» и имя американского политического лидера. Кстати, в «Новой газете» ироничное отношение прослеживается к обоим кандидатам в президенты США, а вот авторы «Завтра» сразу встали на сторону «меньшего зла» – Дональда Трампа.

«Украинский кризис» породил множество социально-политически окрашенных неологизмов, образованных путем контаминации: «Газ у нас будет со скидкой, русский язык будет, предприятия заработают, а **Укропия** будет брать у нас взаймы» (из диалога) [Новая газета. 201. №124] – Украина + Европа; «Ведь в Россию бегут не "**бандеры**" и "**майдауны**", а как раз наоборот – их жертвы, самые что ни на есть русские люди [Завтра. 2015. № 29] – майдан + дауны. Прослеживается не просто ироничное, но оскорбительное отношение к объекту высказывания.

Кроме того, в состав гибридных слов может входить и обценная, пейоративная лексика, обуславливающая их грубо-агрессивный характер: «Увы, о фэйковости "**наказания**" догадались на Украине далеко не все и не сразу – благодаря чему множество **майдануных** с активной гражданской позицией успели высказать в блогах всё, что они думают о крымчанах» [Завтра. 2015. № 38]; «...в этот раз – после отъезда американского гостя – весьма и весьма вероятен очередной виток эскалации боевых действий со стороны **украинских хероев**» [Завтра. 2015. № 49]. Гибридные слова «на грани» характерны для газеты «Завтра». Кажется, что авторы не задумываются о том, что происходит явное нарушение этических принципов предоставления информации.

В словообразовательный процесс также включаются жаргонизмы, способствуя созданию сниженной экспрессии, новых ассоциативно-семантических полей: «**Кремлеботов** срочно переключили с Украины на убийство Немцова» [Новая газета. 2016. № 24] – Кремль + бот (комп. жарг. – робот); «Единственным бенефициаром этих бомбардировок является Башар Асад. Он является нетто-бенефициаром. Мы являемся **брутто-лузером**» [Новая газета. 2016. № 114]; «Так, веб-сайт президента Михаила Саакашвили **задидосили** еще 20 июля» [Новая газета. 2016. № 120] – заддосить сайт (комп. жарг. – взломать сайт).

Таким образом, экспрессивно-выразительный потенциал анализируемых общественно-политических изданий невероятно высок. События и средства выражения оценки в медиатеках

оппозиционных СМИ на базе семантики противостояния могут быть разнообразны: это использование пейоративной, инвективной, просторечной, жаргонной лексики, словообразовательных неологизмов. Экспрессивно-выразительные языковые средства в анализируемых газетах, как правило, направлены на дискредитацию политических противников.

Словообразовательные неологизмы являются мощнейшим средством экспрессивизации, выразительности текста. С одной стороны, они способствуют интерпретации действительности, «оживляют» авторскую речь, помогают привлечь читательскую аудиторию, склонить её в определенную сторону. Благодаря неологизмам мы можем говорить о пристрастиях и антипатиях журналистов, проследить их реакцию на актуальные события. И, что важнее, судить о коммуникативной политике общественно-политических изданий, об основных векторах их политических предпочтений. С другой стороны, подавляющее количество новообразований изобретено для передачи негативной экспрессии. А это, в свою очередь, может привести к ответной агрессии, может трансформировать представление читателя об окружающем мире.

Язык газет на современном этапе характеризуется сочетанием контрастных стилистических элементов, смешением стилистических пропорций, стремлением выработать новые средства образности. В связи с этим в текстах публикаций печатных СМИ периодически появляются элементы речевой агрессии: «Современный человек погружен не только в информационную, но и в эмоциональную среду, во многом формируемую средствами массовой коммуникации. Наше настроение в значительной степени определяется как тематикой, так и стилистикой газетных, журнальных, теле- и радиоматериалов. Понимание законов деструктивного воздействия текстов средств массовой коммуникации необходимо для очищения коммуникативного пространства, окружающего нас, от враждебности и непонимания» [10, с. 115].

В манипулятивных целях при воздействии на читателя журналисты зачастую не обращают внимания на нарушение норм и правил этики. А между тем вульгаризация языка СМИ отрицательно воздействует на речевую практику современных граждан. Происходит пропаганда вульгарно-фамильярного стиля общения, стимулируется рост речевой агрессии в средствах массовой информации, а значит, и в обществе в целом. Авторы текстов обязаны обращать внимание на то, какими средствами и приемами они добиваются поставленной цели. С одной стороны, текст, насыщенный просторечными словами и выраже-

ниями, инвективами, экспрессивными неологизмами, легко воспринимается реципиентом, запоминается им. Но, с другой стороны, адресат непременно будет копировать данный стиль общения, тем самым повышая уровень речевой агрессии в общественной коммуникации.

Список литературы

1. Бурдые П. Начала / Пер. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–207.
2. Гарифуллин Р.Р. Иллюзионизм как новая философско-психологическая концепция // Психология обмана, манипуляций, кодирования. Казань, 1997. С. 20–38.
3. Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации / Под ред. А.П. Сквородникова. Краснояр. гос. ун-т, 1999. Вып.1 (8). С. 99–103.
4. Покровская Е.В. Прагматика современного газетного текста // Русская речь. 2006. № 3. С. 127–135.
5. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учеб. пособие. М.: Рип-холдинг, 2000. 293 с.
6. Хромов С.С. Русский язык и современное российское общество: регуляция или саморегуляция //

Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй Междунар. науч. конф. (Волгоград, 24–26 апр. 2007): В 2 т. / Волгоград. гос. ун-т. Волгоград: ВолГУ, 2007. Т. 1. С. 620–625.

7. Шаховский В.И. Новые контекстуальные понятия российских СМИ // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй Междунар. науч. конф. (Волгоград, 24–26 апр. 2007 г.): В 2 т. / Волгоград. гос. ун-т. Волгоград, 2007. Т. 1. С. 764–770.

8. Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Современная украинская действительность в новообразованиях российских массмедиа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2).

9. Рацибурская Л.В. Особенности языка современных российских СМИ: средства речевой агрессии: Учеб.-метод. пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2010. 200 с.

10. Власова Е.В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко-русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. 20 века): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2015. 210 с.

11. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Проблемы словотворчества в современных российских СМИ: Учеб.-метод. пособие. Изд-во Нижегород. ун-та, 2013. 66 с.

THE SEMANTICS OF CONFRONTATION IN LEXEMES OF MODERN MEDIA TEXTS

D.V. Solovyova

The aim of the article is to analyze the ways and means of expressing the evaluation based on the semantics of confrontation in modern media texts of oppositional media. We consider the use of pejorative, invective, vernacular, slang vocabulary, and word-formative neologisms. The analysis shows that the specific language features of media texts is closely related to the periodical's communicative policy.

Keywords: semantics of confrontation, evaluative meaning, communicative policy, oppositional newspapers, media text.

References

1. Burd'e P. Nachala / Per. N.A. Shmatko. M.: Socio-Logos, 1994. S. 181–207.
2. Garifullin R.R. Illuzionizm kak novaya filosofskopsihologicheskaya koncepciya // Psihologiya obmana, manipulyacij, kodirovaniya. Kazan', 1997. S. 20–38.
3. Bykova O.N. Yazykovoe manipulirovanie // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya: Vestnik Rossijskoj ritoricheskoy associacii / Pod red. A.P. Skovorodnikova. Krasnoyar. gos. un-t, 1999. Vyp. 1 (8). S. 99–103.
4. Pokrovskaya E.V. Pragmatika sovremennoego gazetnogo teksta // Russkaya rech'. 2006. № 3. S. 127–135.
5. Prohorov E.P. Vvedenie v teoriyu zhurnalistik: Ucheb. posobie. M.: Rip-holding, 2000. 293 s.
6. Hromov S.S. Russkij yazyk i sovremennoe rossijskoe obshchestvo: regulyaciya ili samoregulyaciya // Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennyh integracionnyh processov: Materialy Vtoroj Mezhdunar. nauch. konf. (Volgograd, 24–26 apr. 2007): V 2 t. / Volgograd. gos. un-t. Volgograd: VolGU, 2007. T. 1. S. 620–625.

7. Shahovskij V.I. Novye kontekstual'nye ponyatiya rossijskih SMI // Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennyh integracionnyh processov: Materialy Vtoroj Mezhdunar. nauch. konf. (Volgograd, 24–26 apr. 2007 g.): V 2 t. / Volgograd. gos. un-t. Volgograd, 2007. T. 1. S. 764–770.

8. Zhdanova E.A., Raciburskaya L.V. Sovremennaya ukrainская dejstvitel'nost' v novoobrazovaniyah rossijskih massmedia // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 2 (2).

9. Raciburskaya L.V. Osobennosti yazyka sovremennyh rossijskih SMI: sredstva rechevoj agressii: Ucheb.-metod. posobie. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegor. un-ta, 2010. 200 s.

10. Vlasova E.V. Rechevaya agressiya v pechatnyh SMI (na materiale nemecko-russkoyazychnyh gazet 30-h i 90-h gg. 20 veka): Dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2015. 210 s.

11. Raciburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V. Problemy slovotvorchestva v sovremennyh rossijskih SMI: Ucheb.-metod. posobie. Izd-vo Nizhegor. un-ta, 2013. 66 s.